

В первую очередь книги Светланы Алексиевич интересны попыткой создания образа коллективного героя времени, который складывается на основе рассказов-исповедей участников знаковых событий эпохи.

Есть основание вспомнить роман Михаила Лермонтова «Герой нашего времени», автор которого стремился показать, как в сильном, ярком человеке отразились болезни и пороки времени, сформировавшего этого человека.

Светлана Алексиевич идет другим путем. Она обращается к самым болезненным и противоречивым событиям времени и пытается выявить, как по-разному воспринимали их люди, как отразилось на их сознании и душевном состоянии участие в этих событиях, насколько сумели они осознать не только общий смысл происходящего, но и выделить свою роль в нем.

Авторская задача формулируется вначале достаточно общо — желание услышать. При этом внимание обращается не столько на события, сколько на самих участников. Одна из главных творческих установок — «Уменьшить историю до человека».

Перед нами отнюдь не всезнающий и все понимающий автор. Писательница пытается постичь, стремится заглянуть в душу собеседника.

При сознательном отказе от комментариев того, о чем рассказывают герои, достаточно много уточнений и пояснений по поводу диалогов с собеседниками — желание в них участвовать или отказ, «агрессивная наивность» или мольба. Фиксируется характер восприятия, способность к диалогу, сожаление о несостоявшемся продолжении: «...жалею, что не договорила... может быть, это и был мой главный герой».

При анализе книг Алексиевич не приходится говорить о сюжете в привычном смысле слова. Дело в том, что он формируется исподволь из многочисленных исповедей, так или иначе связанных с центральным событием, положенным в основу.

«У войны не женское лицо» — это Великая Отечественная война. «Цинковые мальчики» — война в Афганистане. Первая длилась четыре года, вторая — десять лет.

Показательно и то, что развитие повествования не связано ни с протяженностью, ни с последствиями войны, более того, нет привязки к конкретным событиям (сражениям, победам, поражениям).

Перед читателем проходят многочисленные судьбы. Спустя много лет после происходящего героини-повествователи рассказывают о себе, своих впечатлениях. Как это ни покажется странным, но дистанция времени не отразилась на живости, яркости воспоминаний. Подчеркнута их навязчивость, невозможность избавиться, забыть.

При том, что обе книги насыщены антивоенными настроениями, они, конечно, очень разные и по авторской задаче, и по позиции персонажей, и по читательскому восприятию. Рассмотрим эти аспекты по каждой книге.

Автор — Светлана Алексиевич — женщина, рожденная после Отечественной войны, решает показать это страшное в своей античеловечности событие глазами именно женщин, принимавших в ней непосредственное участие в разных «ролях» — от медсестры до снайпера и летчицы. Выслушанные исповеди дали ощущение «избытка человеческого материала». Работать с ним, создать на его основе книгу, — значит, «перестрадать вместе с ними», пройти тем же путем потерь и надежд, спрессовать впечатления и представить читателю.

При этом автору было важно понимание, что каждая судьба индивидуальна, «повторов нет» и «хочется оставить все» из поведенного как драгоценные экспонаты для музея.

Хотя основное пространство текста составляют исповеди женщин-участниц войны, в первой книге больше, чем во всех остальных произведениях Светланы Алексиевич, высказываний, размышлений, заметок автора, реакции по поводу услышанного.

Здесь и понимание роли своего магнитофона как «орудия пыток», заставляющего вспоминать многое из того, о чем хотелось бы забыть, вычеркнуть из памяти.

Постоянная напряженность общения объясняется необходимостью помнить о тактичности при обращении к тем воспоминаниям, о которых трудно говорить вслух: «Все время такое чувство, что вот-вот коснешься того, чего касаться нельзя. И даже если не спрашиваешь, рассказывают сами. До сих пор болит!»

Автор считает важным и необходимым поделиться с читателем и возникшим чувством собственной вины, и ответственностью перед теми, о ком должны знать люди следующих поколений: «Я уходила из этого большого дома с чувством вины: вот живет человек, о котором надо писать книги, петь песни, а мы о нем ничего не слышали. И сколько же их таких? Как много рядом с нами истории, еще не почувствованной, еще не осознанной как История».

При этом Светлана Алексиевич подчеркивает, что выделяет некоторые эпизоды и высказывания не в силу их значимости, а по их сугубо женским особенностям. К примеру, окрик-предупреждение «Буду стрелять» с добавлением «Вы меня извините».

Именно потому, что речь идет об участии в войне женщин, в общении автора с героями так много внимания уделяется теме любви. Одна из героинь книги сама подчеркивает, что этого чувства, по мнению многих, «не должно было быть в ужасе и аскетизме того, что называлось войной», однако война — «это тоже годы человеческой жизни. И часто — самые молодые годы, природой предназначенные для любви и счастья. Война могла убить одного из любящих, но она не могла убить любовь, желание любить и быть любимым». Та же мысль звучит в приведенном отрывке из письма: «Потому что любовь с человеком всегда. Земная любовь. На войне, законная ли, незаконная, она людей и опускала, и поднимала, и жизнь им берегла».

Особое внимание в книгах Алексиевич, начиная с первой, уделяется памяти: она не только сохраняет, но и требует ответов на вопросы. В данном случае подчеркиваются особенности женской памяти: «Пока живет эта раненная войной

женщина, ее память — мост между войной и миром». По мысли автора, очень важно и то, что женская память помогала героиням повествования из состояния ужаса, ненависти к фашизму возвращаться «на круги милосердия».

Компонуя в книгу исповеди своих собеседниц, Алексиевич перемежает рассказы медсестер фронтовых госпиталей и участниц боев, воссоздает эпизоды жестокие, кровавые и обнаруживает доброту и жалость к человеку в любых обстоятельствах. Не случайно в качестве заголовков автор использует слова самих рассказчиц, выбирая их из записанных текстов: «Не хочу вспоминать...»; «Одна я вернулась к маме...»; «Нас награждали маленькими медалями»; «Я эти глаза и сейчас помню»; «Не могу видеть, как дети играют в войну».

Рассказывающие не только для внимательно слушающего автора будущей книги, но невольно для себя еще раз пытаются осмыслить, что же помогало им тогда преодолевать страх, что позволяло самим убивать, что формировало необходимое ожесточение: «...И в этих углях человеческие кости, и среди них звездочки обгоревшие, это наши раненные или пленные сгорели... После этого, сколько я ни убивала, мне не было жалко. Как увидела эти горящие кости, не могла прийти в себя, только зло и мщение осталось».

При всем тематическом разнообразии в книге «У войны не женское лицо» выделяется несколько главных тем. Хочется на первое место поставить любовь, еще раз подчеркнув особенность персонального стержня книги.

Однако не меньшее место по силе звучания в исповедях занимает ненависть: «Я ненавижу само слово «война». Она забрала у меня радость жизни, хотя я и осталась живая»; «Вам этого, может, не понять сегодня. Но вы бы то же самое чувствовали, если бы у вас на глазах посреди деревни разложили большой костер и бросили туда старую учительницу, которая вас когда-то учила. Или по частям разрубили молодого парня...»; «Столько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил?» Однако, к удивлению самой рассказчицы, состояние оказывается не тупиковым: «И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла».

В целом ряде рассказов-исповедей подчеркивается пришедшее в войну понимание как признак взросления, обретенной зрелости, почему и стали эти годы важным этапом жизни. До сих пор сохранилось удивление, как смогли такое выдержать: «Лошади падают, а женщина идет, поет песни. Девчонки таскали с поля боя крепких мужиков, которые, когда были раненные, становились еще тяжелее, в это трудно сегодня поверить...» И автор добавляет: «Прошли годы, и Вера Сафроновна, глядя в прошлое глазами его участника и его историка, все равно готова удивиться: как это она смогла, как это они смогли? Смогли пойти. Смогли выдержать. Смогли воевать».

Наверное, и смогли, потому что закалились. Свидетельствует другая рассказчица: «Мне кажется, что в войну мы как-то закаменели, никто по-настоящему ни разу не засмеялся, не порадовался». Но именно из войны вынесена вера «в неограниченные возможности человеческого духа».

Видимо, не случайно автор последними помещает исповеди, в которых звучит тема детей, детства: «Мама, что такое папа?»; «Не могу видеть, как дети играют в войну». В строчках, выбранных для заголовка, как и во всем содержании рассказов, звучит предостережение на будущее. Даже война за отечество несет гибель, страдание. В ней погибают не только враги, но и близкие, женщины, дети: «Шура Киселева, она была у нас самая красивая, сгорела. Она прятала тяжелораненых в

скирдах соломы, начался обстрел, солома загорелась. Шура могла сама спастись, но для этого надо было бросить раненых — из них никто не мог двигаться... Раненые сгорели... И Шура вместе с ними...»

Вся книга воспринимается как протест против войны.

В «Цинковых мальчиках» этот антивоенный пафос сохраняется, но значительно расширяются и изменяются мотивы, звучащие в книге. Продолжает развиваться важная сюжетная линия — автор и ее герои. В этом произведении не только автор ищет пути к своим героям, комментирует характер общения и отношение персонажей к своим высказываниям, но герои задают вопросы автору, предъявляют претензии, наставляют, а после выхода книги некоторые даже подали в суд на Светлану Алексиевич.

Особо следует выделить вопросы, обращенные, разумеется, не только к автору будущей книги, но включенные им в текст как принципиально значимые: «Я не знаю, кто я: герой или дурак, на которого надо пальцем показывать? А может, преступник? Уже говорят, что это была политическая ошибка. А я там кровь оставил...»; «Скоро начали понемногу задумываться: кто же мы?»; «Кто попросит прощения? У всех, кто там был? Кого сломало и перекорежило?»; «А с другой стороны, начинают писать, что мы убийцы. Кому верить?»; «Кому я отдала своего сына? Кому доверила?».

Сама постановка вопросов говорит о росте самосознания. Этому аспекту в «Цинковых мальчиках» уделяется повышенное внимание. Выделим несколько поворотов темы.

Пожалуй, страшнее многого — утрата веры в идею, идущую от государства: «Мы ехали делать революцию! Так нам говорили, и мы верили».

Тот же мотив, но усиленный звучащим обвинением в обмане: «Меня дважды обманули: отправили на войну и не сказали правду, какая это война».

Изменилось отношение к собственной ответственности, понимание необходимости думать. «Только сейчас задумался, когда рассыпался стереотип», — признается один из собеседников автора. Признание другого еще более горькое: «Я не знаю, как отвечать на ваши вопросы. Не умею... Я, человек средний, никогда не задумывался о больших вещах». Один из бывших афганских мальчиков, ставший учителем, своих учеников призывает «учиться думать».

В исповедях звучат взаимоисключающие оценки собственного участия в Афганской войне: «Что я там понял? Добро никогда не выигрывает. Зло в мире не уменьшается»; «Я ничего оттуда не привезла, кроме памяти. Будь ты проклят, Афганистан!»; «Я знаю, что нигде не буду так необходима, как там».

Так или иначе, рассказывающие об Афганской войне выходят на вопрос о своем отношении к Родине. Среди высказываний есть и очень патриотические, но отнюдь не бездумные: «Я хочу жить в этой стране, пусть она нищая, несчастная... Она нас обманула, но я ее люблю». Главным тезисом остается мысль, что «перед Родиной мы чисты».

В общении с будущими персонажами книги автор столкнулась с нежеланием вспоминать и с невозможностью уйти, спрятаться от воспоминаний: «Боюсь начинать рассказывать. Опять навалятся эти тени...»

Кому-то будущая книга кажется ненужной и невозможной: «Зачем ваша книга? Для кого? Нам, кто оттуда вернулся, все равно не понравится. Разве расскажешь все, как было?»

Но есть и такие, кто просит, требует написать правду: «Напишите! Напечатайте правду! Всю правду!»

Один из аспектов, связанный с очевидным взрослением героев, касается понимания тех, кто вначале казался безликим врагом. Сюда относится и с горькой

иронией высказанное запоздалое понимание: «Там жили ненавистью. А чувство вины? Оно пришло не там, а здесь... Там мне все казалось справедливостью, здесь я ужаснулась, вспомнив маленькую девочку, лежавшую в пыли без рук, без ног... Как сломанная кукла. После нашей бомбежки... А мы еще удивлялись, что они нас не любят...» С этими размышлениями медсестры созвучны слова рядового артиллериста, рассказавшего о покормивших их афганских женщинах: «Они знали, что их убьют, но все равно нас не выгнали. А мы к ним со своими законами... В шапках заходили в мечеть...» На всю жизнь запомнился еще одному афганцу — командиру взвода — взгляд спасенной девочки: «...меня, как громом, поражает мысль: она не верит, что я хочу ее спасти, она думает — я хочу ее убить... Русские ничего другого не могут, они только убивают...»

Пусть с запозданием, но осознается сложность ситуации и ошибочность прямолинейного отношения. Этот мотив стал одним из центральных в книге уже XXI века об Афганской войне О. Ермакова «Арифметика войны» (2012).

Случайно ли в этой страшной книге обращение к Священному писанию, цитаты из него, связь с библейскими аллюзиями композиции произведения? Воспринимается это совсем не как дань современной моде, но как внутренняя потребность поиска основ, опоры на вечное. Одна из собеседниц автора тоже признается: «Никогда раньше не молилась, теперь молюсь...»

Завязкой каждой из основных частей книги становится телефонный диалог с одним из персонажей. В этих диалогах и отказ от личной встречи, и невозможность полного взаимопонимания с теми, кто сам там не был, и постоянная мысль о взыскующих погибших.

Эта основная часть книги («День первый», «День второй», «День третий») словно вставлена в раму. В качестве пролога — монолог матери афганца, ставшего убийцей. Роль эпилога выполняют материалы суда над автором.

Как в содержании записанных исповедей, так и в структуре книги «Цинковые мальчишки» решается задача — озвучить вопросы, не автором, а жизнью поставленные. В них нет попытки назвать конкретных виновных. Но, безусловно, звучит мотив взыскания ответственности за судьбу поколения, за будущую жизнь, — не зря же название книги напоминает о смерти.

